

У статті автор намагається з'ясувати, чи сумісний іслам з демократією. Перш за все, визначені основні поняття демократії. Проаналізовано та подано оцінку ступеня сумісності ісламу з цими основними поняттями та правами людини. Зроблено висновок, оскільки не існує очевидної несумісності ісламу та демократії, то держава повинна вжити необхідні заходи щодо забезпечення висвітлення системою освіти існуючих відмінностей та сприяти розумінню інших людей.

Ключові слова: *основні поняття демократії, концепція демократії, права людини, іслам, громадянськість, громадянське суспільство, соціальна справедливість, система освіти держави, розуміння інших людей.*

РЕЗЮМЕ

Джо Бишоп. Демократия, права человека и ислам.

В статье автор стремится выяснить, действительно совместимы ли ислам и демократия. Прежде всего, дано определение основным понятиям демократии. Проанализирована и оценена степень, в которой ислам совместим с этими основными понятиями и правами человека. И, наконец, беря во внимание тот факт, что не существует явной несовместимости ислама и демократии, государство должно сделать все возможное, чтобы система образования освещала существующие отличия и способствовала пониманию других людей.

Ключевые слова: *основные понятия демократии, концепция демократии, права человека, ислам, гражданственность, гражданское общество, социальная справедливость, система образования, понимание других людей.*

УДК 1111:572

В. А. Косяк
Сумской государственной
педагогический университет

К МЕТАФИЗИКЕ СИЛЫ

Человеку необходимо быть сильным,
ибо сила – лекарство от недугов мира.
Свами Вивекананда

В статье сделана попытка осмысления силы как сущности реальной и виртуальной, проявляющей себя в образах сакрального движителя миров, всеобъединяющего и созидającego Духа, в мысленно-чувственных фигурах мифологии, в форме «динамической человеческой воли» в пространстве магии, в силовом поле мистицизма и других эпистемах мысли.

Ключевые слова: *сила, дух, мифология, магия, мистика.*

Проблемой статьи выступает усмотрение сущности и видимости, умопостигаемого и чувственного в феномене силы; метафизическая его рефлексия, артикулирующая явные и имплицитные модусы его бытования, не манифестирующие себя, но «властно» осуществляющие свое присутствие в универсуме.

Сила может мыслиться диверсивно: натуралистически-онтологически, феноменологически, метафорически, метафизически, с апелляцией к чувственному восприятию, с углублением в эзотерическое познание, с отрешением в сакральное трансцендирование, что в целом множит «силовые» ассоциации и экспликации. Традиционно сила мыслится как мера жизненной активности, степень развития целостных систем.

В философской рефлексии сила может представлять феноменом, тотально присутствующим во Вселенной, динамическим началом, все в ней упорядочивающим и все организующим. У Анаксагора сила есть Ум (Нус) – начало, движущее всей Вселенной. Из неисчислимого множества стихий сила устраивает всеобъемлющую гармоническую систему. Эта сила – Ум как Закон – лежит в основе бытия, она заключает в возможности все благое, самосохраняется в своем развитии, имеет в себе меру, торжественно воцаряется над бытием и управляет движением. Сакральное величие силы, возможно без кеносиса, нисходит и в профанный мир, и здесь, в мире дольном, она остается благородной и величавой. Нисходя в человека, она наделяет (одаривает) его особыми достоинствами.

В религиозно-философской мысли Востока: «Сила – это движитель миров, и чем бы она ни была – Знанием-Силой, Любовью-Силой, Жизненной Силой, Силой Действия или Телесной Силой – она всегда духовна по своему происхождению и божественна по своему качеству» [3, 93]. Так возвеличивал силу индийских мистик Шри Ауробиндо. «Христианская вера в Божье прощение и спасение дает подчас огромное утешение, – учил интерпретатор и комментатор древнеиндийских Вед Свами Вивекананда. – Но утешение подобно опимуму, оно ослабевает человека, а миру нужна сила. Человеку необходимо быть сильным, ибо сила – лекарство от недугов мира. Слабость же есть причина всех мирских страданий. От нашей слабости мы лжем, предаем, совершаем преступления; и умираем мы от того, что слабеем». А потому, как настаивает Ф. Ницше, следует отбрасывать от себя все, что напоминает нам о слабости и болезни, что может быть их причиной.

Сила в разных ее ипостасях может черпаться в молитве, медитации и духовной жизни. Так говорил современный индийский гуру Шри Чинмой, в 53 года занявшийся тяжелой атлетикой, чтобы показать, что возраст не преграда возможностям человека. Ведь люди просто уговаривают себя быть немощными и слабыми. Через три–четыре года занятий Шри Чинмой получил сертификаты Книги рекордов Гинесса за поднятие тяжестей. Лишь благодаря собственным силам, как учит восточная религиозно-философская мудрость,

человек, пройдя Десять миров нравственного совершенствования, может освободиться от власти кармы и стать Буддой.

Издревле в философско-религиозном сознании сакральным величием творящей силы наделяется также вседержитель дух, и толкования Анаксагором Ума в его трактате «О природе» как вселенской силы в полной мере могут быть приложимы и к осмыслению духа, осуществляющего творческую экспансию по отношению ко всему материальному, ибо «материальный мир есть эпифеномен духа» (Н. А. Бердяев). У Гегеля в его «Философии духа», дух все объединяет, владеет разумом и волей, создает объективный мир человека, дает энергию социальной жизни и мировой истории, порождает всю действительность, природу и самого человека, и он есть «абсолютный дух».

В христианстве дух наделяется недостижимо высоким статусом. В средневековом сознании все создано богом-духом и тело человека пронизано духом, и природа несет на себе отпечаток божественного (духовного) начала, и материя не есть только косная сила, – она тоже спиритуализируется [5, 167]. Приоритет силы духа вот уже две тысячи лет держится в христианской теологии, опирающейся на иерархические представления и образы мира в категориях господства и подчинения.

Духовность (дух) всеми безоговорочно признается как высшая иерархическая ценность в мире дольном (иерархия ценностей – материальное, интеллектуальное, духовное, сверхъестественное). Если человек утрачивает эту ценность, например, по причине «отмены» бога, то в нем остается только физический индивид [2, 256–257]. Ослабленный духовно человек утрачивает свою целостность, он «расщепляется» и «дробится», теряет смысловые ориентиры, не знает «по каким звездам жить». Дух поднимает (трансцендирует) к тому, что выше человека физического, и устремляет его к тому же, возвышая жизнь человеческую. Существования духа дает человеку ощущение того, что он никогда не бывает совсем один, ибо дух находится в нем в виде «внутреннего голоса», голоса *daimona*, который предостерегал от неправильных поступков Сократа и повелевал многим жизненно важным действиям Г. С. Сковороды. Благодаря духу в нем, человек способен в творческом акте самосозидать свою личность, строить и изменять свою жизнь согласно избранным критериям. Здесь и эзотерика как духовная работа над собой, усвоение представлений о том, что каждый из нас складывается под воздействием силы рока (формирующего жизнь целых поколений), силы провидения (предопределяющего жизнь отдельного человека) и силы воли (духа) его самого.

Первый опыт чувствования и познания метафизики силы люди получили, по-видимому, в мифологии, магии и мистике – предметах, тяготеющих к сакральному. В архаические времена миф выражал в слове первичную синкретичность и обобщенную целостность жизненных представлений первобытных людей, воспринимавших все их окружающее одушевленным и исполненным силы, той природной живой силы, в сравнении с которой физическая слабость человека обнаруживается особенно отчетливо.

Поэтому слабый человек поклоняется живым силам природы, сакрализует их, трепещет перед их мощью, испытывает к ним пиетет, создает их культы, обожествляет их. Величие одушевленных сил природы подавляет дикаря. В сравнении с ними собственная жизнь представляется ему жалким существованием. Деревья, реки, ветер во всех отношениях превосходит его, поэтому они – боги [13, 263–264]. Блеск молнии, свет костра, пылание кузнечного горна, лесного пожара или очага – это обобщенный мысленно-чувственный образ огненной силы, которая огнем же живет, им является и им управляется. Имя этой силы – Гефест. Все многообразие цветения, созревания и земного плодородия обобщает он в слове «Деметра». Пробуждение растительного царства весной и умирание его осенью – Адонис. Источники олицетворяют Нимфы, море – Посейдон, таинственную и странную власть над жизнью людей – Мойры или Майи, бездонное небо и светоносный день – Зевс (жизненная сила, которой пронизана вся Вселенная), прелесть и привлекательность жизни – Хариты, могущественную силу, влекущую одно живое существо к другому, благодаря которой рождается все живущее и продолжается род людской, – Амур (Эрот) [8, 135] и т. д. Злые силы в образах духов, бесов, дьяволов и пр. приобретают облик человека, выступая в качестве трикстеров – существ, соединяющих в себе «светлое» и «темное» царства.

Все это богатство устрашающих образов закрепляется в более поздних формах мистицизма, оккультизма, эзотерических системах знания и становится душой соборного искусства готики в виде звериных мотивов и зоологических символов. Средневековые бестиарии становятся сокровищницами соответствующих аллегорий. Миру чистоты, света и духовной красоты (миф о Марии) противостоит его оборотная сторона, которая являет собой одну из вершин готики – это мир дьявола, который пронизывает все творение, который всегда в засаде. Повсюду рыщут в человеческом образе кобальды, приведения, ведьмы, оборотни и гротескные фигуры чертей, обильно питая мир художественного воображения ваятелей и живописцев. Каждый знал, что мир полон нечистой силы, повсюду ощущали ее присутствие. Эта мифическая "реальность" до оснований потрясала существование человека. В нее верили такой верой, что мысль о доказательствах отбрасывалась как кощунство. Каждый жил в сознании неимоверной опасности, исходившей от ада [14, 441–442]. Мир был наполнен сонмами разного рода нелюдей, оборотней. Причем в разряд ангелов и носителей злой, разрушительной силы, колдунов и колдуний общество нередко зачисляло тех, кто чем-то отличался внешне от обычных людей – уродов, карликов, просто старух и стариков, т. е. людей ущербных.

Связь с мифологическим началом проявляется в поклонении воображаемому Абсолюту, в специфическом поведении индивида как неотъемлемой части его связи с ирреальным [4, 103]. Черты мифологического переживания реальности продолжают обнаруживаться в обыденном сознании простых и образованных людей, в искусстве, науке, политике, несмотря на столетия новоевропейского «расколдовывания» мира, чему невольно

способствовали Гомер и Гесиод, затем – Александрийские риторы «здравого смысла», бестиарный аллегорический метод, христианство, приравнявшее языческих богов к бесам, нечистой силе. Отношения с мифом («истинным сказанием о сакрально значимых первособытиях», – так вначале означивался миф во всех европейских языках) продолжают оставаться осевой проблемой европейской истории.

Все Средневековье полно мифологическим чувствованием и мышлением. Таково рыцарство с его культом Прекрасной Дамы и Любви. Мифологичны по движущим силам крестовые походы с их стремлением освободить Иерусалим и объединить народы вокруг него как вокруг сакрального центра мира. Мифологичны ожидания конца света. Мифологично и отношение к монархам, которым вплоть до XVII века приписывались чудодейственные силы. В Средневековье же в европейские умы вошел архаичный миф о всеобщем возрождении, который в эпоху Просвещения принял вид уверенности в скорой победе разума.

В учении Маркса о пролетариате узнается архаичный миф о справедливом герое-искупителе, который своими усилиями и страданиями в борьбе со Злом радикальным образом улучшит онтологию мира. В идее Маркса о бесклассовом обществе отразилась мифологема Золотого века. Можно допустить, что именно мистическая (мифологическая) сила сделала марксизм столь влиятельным в XX веке.

Мифологическое сознание сопутствует всем значительным событиям и «подпитывается» ими. Открытие Америки, например, имело следствием появление мифов о добродетельных дикарях, которых не коснулась европейская испорченность. Эти мифы дали толчок развитию популярной впоследствии мифологема «естественного» («простого», «непосредственного», «подлинного»), противопоставляемого «искусственному» («ложному», «произвольному», «испорченному»), которая сильна и в наши дни. Эта мифологема изначально породила научный философский интерес ко всему «естественному» – «естественная религия», «естественное право», ставшие предметами внимания мыслителей XVII века.

С началом Нового времени стало распространяться ценностное отношение к научному познанию мира. Но культивировавшиеся в это время доверие и пиетет к сциентизму, шли рука об руку с бумом мифологического чувствования и мышления. Многочисленные процессы над ведьмами, завершившиеся их удушением или сожжением, длились на всем пути продвижения Европы к рационализму вплоть до второй половины века Просвещения. Сам Френсис Бэкон («знание – сила»), основоположник опытного знания, не сомневался в том, что с ведьмами надо бороться. Миф, таким образом, оказывается совместимым и со «здравым смыслом», и с наукой, и с высокой религиозностью – он залегает в их глубине, образует самую их основу.

Для любой культуры мифология представляет собой наиболее значимую часть исторического наследия. На основе древнейшей мифологии возникли и

эволюционировали мифологии и культуры классической античности, оказавшие столь сильное влияние на формирование современных исторических, литературных и религиозных мифов и представлений.

Возращения мифа в наше время – прямое следствие проекта Просвещения. Объявив рационально постигаемые истины единственно достойными знания истины, Просвещение бросило вызов всему сложившемуся до него миру. Но рационализм просветителей вызвал к активной, осознанной жизни в недрах европейской культуры и все то, что не вписывалось в рамки «разума». На вызов Просвещения последовал ответ, прозвучавший в полной мере в XX веке. Наружу вырвались сдерживаемые до того хтонические силы мифологических масштабов, сильно подорвавшие представления о человеке как о существе рациональном. Миф снова стал реальностью, не считаться с которой оказалось также невозможно, как и в прежние времена. К мифологическим и подобным им сюжетам стала обращаться литература: Джойс, Кафка, Йетс, Элиот, О’Нил, Т. Манн, Маркес. Миф стал обретать статус модуса непрофессионального, общекультурного, массового восприятия мира. Он сделался излюбленным термином публицистики, политической риторики, литературной и художественной критики. Опыт давней, забытой целостности восприятия мира продолжает передаваться из поколения в поколение неявно, безмолвно, но как неизбежное основание для всякого другого более осознанного опыта. Благодаря ему человек и сегодня может чувствовать далекое – близким, чужое – своим, невозможное – возможным, часть – образом целого [1]

В сознании людей всегда, наверное, присутствует вербально невыразимое желание чуда, легкого достижения цели, чувство расположенности к приятию и обоснованию таинств мира, к сокращению разрыва между мизерностью человека и величию сил универсума, к интуитивному предвосхищению некоторых истин, минуя или опережая разум, к достижению необычных состояний сознания (сатори, самадхи, нирваны и др.). Как следствие – появление многочисленных экстрасенсов, целителей, специалистов по оздоровительной активации процессов биоэнергетики и биосинтеза, ясновидящих, магов, основой деятельности которых является использование знания или чувствования физических, природных сил.

Вера в силу магии укреплялась вместе с развитием главного свойства человека – речи. Это развитие привело к гипостазированию – приписыванию слову самостоятельного существования и активного функционирования – таким образом, оно приобрело масштаб и значение природных сил. Будучи противопоставленным человеку, слово обрело над ним непреложную власть. Не случайно именно речевые действия были самыми сильными средствами магии. Человечество всегда верило в магическую силу слов, посредством которой можно познать нечто, лежащее за пределами повседневного опыта, и воздействовать на материальный мир для решения различных практических задач: лечения болезней, удлинения жизни, приобретения знатности, богатства, сексуальных наслаждений, для эмансипации себя от времени и пространства,

для вреда и пользы ближнему – вообще для всего, что близко человеческому сердцу [6, 246], что «динаминизированной человеческой волей» можно воздействовать на эволюцию живых сил природы в смысле ее ускорения. Именно магии мы обязаны исторически первыми идеалами активного, силового отношения к миру.

Слаженные и скоординированные действия каждого и всех по выслеживанию, преследованию и «загонянию» зверя закреплялись, в случае удачи, в охотничьем обряде и считались обязательными и необходимыми, приобретшими магическую силу, и потому повторялись всякий раз накануне охоты стереотипно, как предписания алгоритмического типа, гарантирующие полный успех [10, 408]. В магии заключен, по-видимому, неистребимый соблазн для избранных всех времен властвовать над людьми, над их телом и душой. В магии же «реализуется» возможность вступить в сговор с Дьяволом и повелевать им. Для огромного большинства представителей человеческого рода, как считает Д. Д. Фрэзер, вера в силу магии является единой и поистине вселенской. В Европе система магии во многом та же, что существовала тысячелетия назад в Индии и Египте и продолжает существовать у самых диких племен, сохранившихся до настоящего времени в отдаленных уголках мира. Эта глубинная сила дикости в жизни каждого общества, не затрагиваемая поверхностными изменениями религии и культуры, таит в себе реальную угрозу разрушения всего, что достигнуто цивилизацией. Противостоит этой опасности сила импульсивной энергии меньшинства, поднимающая человечество к иным вершинам, преодолевая мертвый груз предрассудков большинства, людей слабых, невежественных и суеверных [12, 60–63]. Магические представления прочно укоренились в массовом сознании на уровне архетипа, и они довлеют, не подвергаясь рациональному переосмыслению.

Материализм XIX, социалистическая революция начала XX века и культивируемые затем в нашей стране на протяжении семидесяти лет атеизм и научное мировоззрение не смогли вытравить из народной традиции веру в силу мистики и магии. Более того, исследователи отмечают магичность эпохи постмодерна и современного массового сознания в целом [9], что характерно для имеющего место быть периода коренных преобразований, сохраняющего кризисную напряженность, связанную с потерей традиционных ценностных ориентаций [11, 74–75].

Вера в силу магии укрепляется и ее апелляцией к современным научным представлениям об информационных посылах, содержащихся в каждом слове, о влиянии сочетаний слов на психику человека и через нее – на его сому. Теория и практика магии многообразны. Среди множества существующих магических традиций наибольшим разнообразием методик отличается европейская магия, основывающаяся на кельтской традиции (друиды, руническая магия, магия северных народов); еврейской (кабалистика, вобравшая частично халдейскую и египетскую магию); античной и др. Европейская магия приняла также в свое тело индийскую систему магического развития – йогу, китайский даосизм (с множеством направлений, среди

которых цигун, фэн-шуй, даосская алхимия, ушу); алхимию, вампиризм, любовную магию, телепатию, ясновидение, магию сна. Существуют и соответствующие магическим системам взглядов методики, которые обнадёживают адептов развитием магической силы.

Если вы не родились с колдовскими силами, уверяют учителя магии, то вы можете их развить, и превзойти тех, кто владеет этим высшим даром. Для этого нужно совершать предписанные колдовские действия и ритуалы, посредством которых вы, мобилизуя свои воображения, веру и волю и концентрируя свое внимание, будете использовать энергию четырех стихий: Воды, Огня, Земли, Воздуха. Найдя присутствие этих стихий в себе (всего-то. – В. К.) и правильно их используя, вы непременно научитесь управлять как своими силами, так и силами природы. Стихия Воды поможет вам в дружеских и партнерских отношениях, очистит ваши души от зла (для этого нужно всего-то «слушать, как каждая клеточка вашего тела впитывает принадлежащую воде энергетику»); стихия Огня понадобится вам для сильных эмоций и чувств, для здоровья, силы и успеха; стихия Земли обеспечит вам правильные поступки и действия, способность добывать и зарабатывать; стихия Воздуха укрепит ваше мышление, поможет в творчестве. Воспользовавшись покровительством названных стихий, вы можете рассчитывать на максимальный успех в делах, чувствах и отношениях. («Все гениальное – просто»: нужно всего лишь интериоризировать энергию стихий. – В. К.) [7].

Если дикий человек объясняет проявление необычных физических и духовных сил одержимостью сверхъестественным существом, вселением в человека демона, духа, призрака и т. п., то цивилизованные люди не прочь подобным образом истолковать проявление своих необычных способностей. Наш вышеупомянутый современник индийский философ и духовный Мастер Шри Чинмой приписывал свой впечатляющий прогресс в развитии физической силы воле своего «Внутреннего кормчего».

С незапамятных времен человечество находится также в «чарах» силового поля мистицизма. Мистико-философское силовое поле Новейшего времени привлекает немало писателей, философов и других искателей истины, поскольку это силовое поле вместе с другими эпистемами мысли является важным компонентом современной духовной и политической жизни. К постижению мистического можно прийти, согласно учению мистика Плотина, сдерживанием и обузданием влечений тела и развитием духовных сил. И только на высшей, экстатической ступени восхождения душа, освободившаяся от объятий постылого тела, воссоединяется с богом. Согласно неоплатоникам (Саккас и Гипатия в Египте, Плотин в Риме, Ямвелих в Сирии, Прокл в Афинах и др.), и высшая ступень философии может быть достижима только через мистический экстаз, через непосредственную, интуитивную связь с потусторонним миром, через мистическую интуицию, дающую сознанию видение и понимание сложности всей Вселенной, – сложности, которая превосходит всю сумму и все хитросплетения наших внешних видимых связей.

Если мистиками считать тех, кто под видимым умеет разглядеть незримое, то в разряд мистиков с неотвратимостью попадают многие философы, писатели, поэты, областью познания и научных интересов которых являются потаенные силы внутреннего мира человека, которые скрываются в нем изначально, с момента Творения. Знания, добываемые мистиком в непосредственном общении его «Я» с Высшими Силами, дают ему право на исключительность, поэтому сколько мистиков, столько и систем сокровенных знаний и соответствующих им индивидуальных систем мироощущения.

Дальнейшее исследование «метафизики силы» видится автору как осмысление живых сил природы, жизненной силы человека (его соматики, моторики, творчества); движущих сил прогресса, сильной, масштабной личности, интенсивной жизни (жизни по максимуму); онтологии сил зла, находящихся свое воплощение в агрессивности и жестокости; сопротивления злу силой; аксиологии телесной силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белла. Мифология мира / Белла. – Режим доступа: <http://www.znanie-sila.ru>
2. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев // Мир философии. – М. : Политиздат, 1991. – Ч. 2. – С. 56–57, 256–262.
3. Вандерхилл Э. «Мистики XX века». энциклопедия: / Э. Вандерхилл – М. : Миф-Локид, 1996. – 522 с.
4. Волков С. Н. Тотемизм как форма эзотерических верований и способ существования / С. Н. Волков, С. Е. Кузина // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 103–106.
5. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
6. Иллюстрированная история суеверий и волшебства. От древности до наших дней / [сост. докт. Леманн]. – К. : Украина, 1991. – 400 с.
7. Магические силы [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.abcmag.ru/sila.htm>
8. Мифы в искусстве старом и новом / [по Р. Менару ; Заключит. очерк Г. П. Чистякова]. – [Репринт. воспроизведение изд. 1990 г.]. – М. : Молодая гвардия, 1992. – 284 с.
9. Свечников В. С. Магичность массового сознания / В. С. Свечников // Человек. – 2004. – № 2. – С. 165–175.
10. Токарев С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – М. : Политиздат, 1990. – 622 с.
11. Филатова В. Ф. Магия и народное православие / В. Ф. Филатова // Человек. – 2009. – № 6. – С. 70–81.
12. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Д. Д. Фрэзер. – [2-е изд.]. – М. : Политиздат, 1986. – 703 с.

13. Чистяков Г. П. Заключительный очерк / Г. П. Чистяков // Мифология в искусстве старом и новом / По Р. Менау. – [Репринт. воспроизведение изд. 1990 г.]. – М. : Молодая гвардия, 1992. – С. 257–273.

14. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. Т. 2. (фрагменты) // Культурология XX век: Антропология. – М. : Юрист, 1995. – С. 432–453.

РЕЗЮМЕ

В. А. Косяк. До метафізики сили.

У статті зроблено спробу осмислення сили як сутно реальної і віртуальної та її проявів в образах сакрального рухівника світів і загальнооб'єднуючого та створюючого Духу, у мисленно-чуттєвих фігурах міфології, у формі «динамічної людської волі», у просторі магії, у силовому полі містицизму та інших епістемах думки.

Ключові слова: сила, дух, міфологія, магія, містика.

SUMMARY

V. A. Kosyak. To metaphysics of power.

It is attempted to comprehend power of as real and virtual essence and its displays in the images of sakral mover of the worlds, general uniting and constructive Spint in ideal sensual figures of mythology, in the area of magic, in the forcefield of mysticism and other epistemes of thought.

Key words: force, spirit, mythology, magic, mystic.